

Джеймс Хэдли
Чейз

НЕ ДРАЗНИ
МЕНЯ!

Парадиз-Сити

Джеймс Чейз

Не дразни меня!

«Азбука-Аттикус»

1979

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Не дразни меня! / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1979 — (Парадиз-Сити)

ISBN 978-5-389-17692-8

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них — Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» — так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Роман «Не дразни меня!» (1979) относится к циклу «Парадиз-Сити». Богатства, унаследованного по праву рождения, недостаточно для счастья тому, для кого воплощение мрачных фантазий — единственный источник удовольствия: кто станет новой жертвой неуловимого маньяка, орудующего в «Парадиз-Сити»?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17692-8

© Чейз Д. Х., 1979
© Азбука-Аттикус, 1979

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джеймс Хэдли Чейз

Не дразни меня!

James Hadley Chase

YOU MUST BE KIDDING

Copyright © Hervey Raymond, 1979

All rights reserved

© Е. А. Королева, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Глава первая

Кен Брэндон отпер парадную дверь и вошел в прихожую.

– Привет, любимая! Я дома! – прокричал он. – Ты где?

– В кухне... где же еще? – откликнулась его жена. – Ты рано.

Он прошел в отлично оборудованную кухню, где жена готовила ужин, и остановился в дверном проеме, глядя на нее.

Брэндоны были женаты уже четыре года, но за это время чувства Кена к жене не притупились. Стройная блондинка, скорее миловидная, чем хорошенькая, Бетти Брэндон не только прекрасно вела домашнее хозяйство, но так же прекрасно вела запись пациентов в клинике доктора Хайнца, где держали только квалифицированный персонал, поскольку доктор Хайнц был ведущим гинекологом Парадиз-Сити. Бетти получала на пятьдесят долларов в неделю – больше Кена; время от времени это его задевало, хотя он и не подавал виду, зато благодаря ее заработку они могли вести ту скромную жизнь, которая нравилась обоим: две машины, симпатичный коттедж в хорошем районе, – и еще откладывать на будущее.

Кен был ведущим агентом в «Страховой корпорации Парадиз-Сити». Он получал неплохое жалование, но, стараясь сравняться в доходах с женой, часто перерабатывал сверхурочно, тогда как Бетти работала строго по часам. Утром она выходила из дому без четверти десять и возвращалась вечером в шесть – на этом ее рабочий день заканчивался.

Подобное положение дел устраивало ее: она спокойно занималась домом и готовила ужин для Кена, хотя и не всегда знала, в котором часу он вернется. Бетти гордилась своими кулинарными талантами. С помощью многочисленных поваренных книг она каждый вечер готовила отличную, вкусную еду.

– Не подходи ко мне, Кен! – резко сказала она, заметив загоревшийся в его глазах огонек и зная по опыту, что у него на уме. – У меня сложное блюдо. Ты не вовремя появился.

Кен широко усмехнулся:

– Разве это бывает не вовремя? Дорогая, забудь о своей готовке! Во-первых, надо сейчас же пойти и убедиться, что наша спальня на месте, во-вторых, я оплачу тебе самый лучший ужин, какой тебе доводилось пробовать. Пошли!

Бетти оттолкнула его:

– Хватит, Кен, перестань! Спальня на месте, и она никуда не денется. И мы никуда не пойдем! Я готовлю клэм-чаудер¹, и, позволь заметить, в городе нет ни одного ресторана, где чаудер готовят лучше, чем я! Да что вообще случилось?

– Клэм-чаудер? – Кен подошел к кастрюле и поднял крышку.

– Кен! Убери руки!

Он спешно опустил крышку на место.

– Запах просто чудо!

– Это и есть чудо. Что же случилось?

– Ладно, давай хотя бы выпьем. – Он подошел к холодильнику, вынул бутылку джина и бутылку мартини. – У меня новости!

– Дай мне пять минут, – попросила Бетти.

Он отнес бутылки в гостиную, смешал два коктейля, закурил сигарету и упал в одно из удобных кресел, с нетерпением ожидая жену.

Бетти нельзя поторапливать. Она вошла в гостиную через десять минут. К тому времени Бен уже успел заново наполнить свой бокал.

---

¹ Традиционный для домашней американской кухни суп с моллюсками и овощами. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Так что за ажиотаж? – спросила она, опускаясь в соседнее кресло и принимая протянутый им бокал. – Что за новости?

– Ты еще спрашиваешь! – Кен широко ей улыбнулся. Он чувствовал, что слегка пьян. Он редко позволял себе мартини с джином. – Меня повысили. Сегодня днем Штернвуд вызвал меня к себе. – Он поморщился. – Честно говоря, дорогая, я чуть не спятил. Решил, что он укажет мне на дверь. Ты ведь знаешь Штерна. Если он вызывает кого-то в кабинет, значит собирается устроить головомойку. Ну, делать нечего, я пошел. И ты представляешь? Он открыл филиал в Сикомбе и хочет, чтобы я возглавил его. Он говорит, там богатейшая нетронутая жила для бизнеса, и он хочет, чтобы я начал ее разрабатывать. Что я мог ответить? Никто не спорит со Штернвудом. Так что я теперь начальник отделения в Сикомбе.

– Сикомб? – Бетти внимательно глядела на него. – Но это же черный район.

– Не совсем черный. Это рабочий район. Там и белых полным-полно.

– И что там страховать?

Кен одобрительно покивал. Его жена точно не дурочка.

– Хороший вопрос. Штернвуд планирует выбирать семьи с детьми и предлагать страхование детей от опасности. За небольшое вознаграждение мы сможем гарантировать родителям все виды защиты для их отпрысков. В Сикомбе примерно пятнадцать тысяч вероятных клиентов, и Штернвуд уверен, что мы озолотимся.

Бетти задумалась.

– Но, Кен, после работы с вашими богатыми клиентами тебе вряд ли это понравится.

– У меня нет выбора. В любом случае это вызов мне.

– Значит, ты начальник. И сколько же он будет тебе платить?

Кен поморщился:

– У меня все тот же оклад, но я буду получать пятнадцать процентов со всех заключенных договоров. Штернвуд никогда не разбрасывается деньгами. Если он прав насчет потенциальных клиентов – а я думаю, что он прав, – то комиссионные будут весьма солидные.

– Насколько солидные?

– У меня пока не было времени все подсчитать. Зависит от того, насколько упорно я буду работать.

Бетти вздохнула:

– Когда ты приступаешь?

– Офис уже готов. Начинаю завтра. – Кен допил свой коктейль. – Есть один момент, от которого я не в восторге, но выбора мне не оставили.

Бетти внимательно посмотрела на него:

– Я могла бы перечислить много моментов, от которых тут можно быть не в восторге. Где же ложка дегтя?

– У Штернвуда есть дочь. Она будет работать со мной. По его словам, она ужасно умная, знает о страховании не меньше моего... по его словам. Она будет сидеть в конторе, пока я бегаю по клиентам. Мне вовсе не улыбается работать с дочкой Штернвуда. Это означает, что мне все время придется быть начеку, я и без того постоянно начеку, но, понимаешь...

– Какая она, Кен?

– Понятия не имею. Расскажу тебе завтра, когда посмотрю на нее.

– Давай ужинать.

Пока они ели, Бетти сказала:

– Интересно, она хорошенькая?

Поглядев на нее, Кен увидел, что она озабоченно хмурится.

– Если она пошла в отца, то запросто может выступать в цирке уродов. Что тебя тревожит, милая?

Бетти улыбнулась:

– Просто спросила.

– А я скажу, что тревожит меня, – продолжал Кен. – У меня в офисе будет шпион... «горячая линия» с кабинетом ее папочки. Мне придется туго, если она невзлюбит меня или если я не добьюсь успехов в работе. Не тебе рассказывать, что Штернвуд настоящий сукин сын. Если дочка ему настучит, я останусь без работы, и Штернвуд мигом отделается от меня. Вот это действительно меня тревожит, милая.

– Дорогой... ты ведь знаешь, что у тебя все получится. – Бетти опустила ладонь на его руку.

– Понравилось?

– Лучший чаудер, какой мне доводилось пробовать.

Когда с ужином было покончено, Бетти сказала:

– Так что, проверим, как там спальня?

Кен поспешно отодвинул свой стул.

– А как же посуда? – спросил он, поднимаясь на ноги.

– К черту посуду! Плевать на нее.

Уже много лет Парадиз-Сити сохранял за собой репутацию курорта для миллиардеров: самый дорогой и шикарный город в мире. Расположенный в каких-то двадцати милях от Майами-Бич, город удовлетворял все нужды самых богатых, требовавших для себя постоянного сервиса. И армия работников, обеспечивавших этот сервис, обитала в Сикомбе, районе, расположенном в миле езды от города.

Сикомб был вовсе не похож на Западный Майами: россыпь многоквартирных домов, обшарпанные коттеджики, дешевые забегаловки, бандитские бары, где напивались и устраивали потасовки ловцы ракушек, и в основном цветное население.

Новый офис «Страховой корпорации Парадиз-Сити» располагался на Приморской улице, проходившей через бойкие торговые кварталы Сикомба.

Кое-как отыскав место для парковки, Кен Брэндон вышел из машины и остановился на тротуаре, рассматривая новое место работы. Кену оно показалось похожим на ломбард, но он уже успел смириться с гнетущим фактом, что больше ему не придется иметь дело с богатством и роскошью. Его вероятные клиенты будут из тех, кто борется за выживание. Таким людям и в голову не придет заглянуть в офис с роскошным фасадом, вроде головного отделения «Корпорации» в центре города.

Сознавая, что за ним наблюдают многочисленные чернокожие хозяева окрестных лавчонок, Кен отпер дверь и вошел.

Путь ему перегородила длинная стойка. Позади стойки была просторная комната со шкафами для папок и письменным столом, на котором стояла пишущая машинка и телефон; все выглядело подержанным, таким оно и было.

В этом помещении, как он понял, и будет работать дочка Штернвуда. Подняв крышку, он прошел через комнату к двери с матовым стеклом, на котором было написано черными буквами:

Управляющий Кен Брэндон

Он задержался, чтобы рассмотреть стеклянную дверь. Никакого удовольствия он не ощутил. В головном офисе на деревянной двери его кабинета имя было написано золотыми буквами.

Кен повернул ручку двери и вошел в небольшой кабинет, где обнаружился обшарпанный письменный стол, винтовое кресло, выцветший ковер, два стула с высокими спинками, поставленные напротив стола, и маленькое окошко, выходившее на шумную главную улицу. На столе стоял телефонный аппарат, портативная пишущая машинка, пепельница, лежал блокнот.

Он неспешно окинул взглядом свои новые владения и ощутил уныние.

В головном офисе он привык к кондиционерам. В этой комнатенке было душно и жарко. Подойдя к окну, Кен распахнул его, и в комнату тотчас ворвался шум голосов и уличного движения.

Он говорил Бетти, что его новое назначение в некотором роде вызов. Кен криво усмехнулся. И серьезный вызов! Штернвуд устроил ему неслабую смену декораций.

Он услышал, что в смежной комнате кто-то есть, и подошел к двери своего кабинета. У входной двери стояла высокая девушка лет двадцати четырех.

Кен посмотрел на нее с ошеломленным интересом.

Сначала он решил, что девушка, вероятно, его первый клиент. Кем еще она может быть в такой одежде: футболка с нарисованным красным сердцем на месте ее собственного, потертые джинсы в обтяжку.

Глядя на нее, он ощутил, как забурлила кровь. Ну ничего себе девица!

Светлые волосы до плеч выглядели так, словно она моет их под настроение, а как раз сегодня такого настроения у нее не было, однако эта неприбранная шевелюра лишь добавляла ей эротичности. Глаза большие, зеленые, как море, а какое запоминающееся лицо: высокие скулы, маленький носик и большой рот с полными губами.

Глазея на девушку, Кен позволил себе пройтись взглядом по ее телу. Груды, натягивавшие ткань футболки, походили на половинки ананаса. А длинные ноги и худоба придавали ей сходство с каким-то великолепным и чувственным молодым животным.

– Привет! – сказала она, поднимая крышку стойки и подходя к нему. – Ты у нас Кен Брэндон.

«Вот те раз! – подумал Кен. – Да это же дочка Штернвуда!»

– Верно, – сказал он вслух. – Мисс Штернвуд?

Она кивнула и улыбнулась, продемонстрировав зубы, какие производители зубной пасты снимают для рекламы.

– Ну и дыра!

Она огляделась, затем подошла к письменному столу, чтобы рассмотреть пишущую машинку.

– Нет, ты только посмотри на эту рухлядь!

– Ваш отец... – слабо начал Кен, но умолк.

– Мой отец! – Она фыркнула, уселась за стол, подняла телефонную трубку и набрала номер.

Кен тупо таращился на нее, а она, когда связь установилась, произнесла:

– Говорит мисс Штернвуд. Дайте мне мистера Штернвуда. – Последовала пауза, а потом она заговорила: – Па! Я только что приехала. Ты спятил, если решил, что я буду ломать ногти, печатая на этой развалине! Мне нужна электрическая машинка Ай-би-эм, и немедленно. – Она выслушала ответ. Ее лицо окаменело. – Нечего вешать мне лапшу на уши, па! Я серьезно: либо я получаю машинку, либо сваливаю отсюда! – Она положила трубку.

У Кена глаза полезли на лоб. Его потрясла сама мысль, что кто-то, пусть даже и дочь, может разговаривать таким тоном с Джефферсоном Штернвудом.

– Это мы уладили, – сказала она. – А у тебя в кабинете как?

– Нормально... хорошо.

Она встала из-за стола, прошествовала мимо него в его кабинет.

– Нет, ну в такой духоте работать нельзя. Здесь же как в духовке!

– Ничего. Это...

Она вернулась за свой стол и снова набрала номер.

– Дайте мистера Штернвуда, – сказала она. Снова последовала пауза, а потом она выпалила: – Па! Я не стану работать в этой убогой дыре без кондиционера. Здесь надо поставить два небольших кондиционера, немедленно. Ты... что? – Ее голос взлетел на тон. – Па! Ты несешь

полную чушь! Если кондиционеров не будет, я уйду! – Она повесила трубку и подмигнула Кену. – Мы получим кондиционеры.

Кен сделал глубокий, медленный вдох:

– Похоже, мистер Штернвуд вам благоволит, мисс Штернвуд!

Она засмеялась:

– О да, я им верчу как хочу с тех пор, как научилась ходить. Он только на словах грозный. – Она поднялась из-за стола. – Зови меня просто Карен.

Кен понял, что она внимательно рассматривает его, и под ее пристальным взглядом ему сделалось неуютно.

– Ты ведь не собираешься вести дела в Сикомбе в таком костюме, а? – спросила она.

Кен изумленно разинул рот и оглядел себя. На нем был легкий костюм угольно-черного цвета, строгий галстук, белая рубашка и начищенные до блеска ботинки. Одеваясь этим утром, он внимательно изучил себя в высоком зеркале в ванной и решил, что выглядит в точности так, как и полагается перспективному руководителю страхового агентства.

– В каком «таком»? – спросил он тупо.

– Если ты в таком виде постучишь в дом какого-нибудь негра, он тебе даже дверь не откроет. Оденься, как я. Слушай, может, смогаешься домой и переоденешься во что-нибудь попроще? Нет, я всего лишь предлагаю – босс у нас ты, но только в этой паршивой дыре ты ничего не добьешься, если будешь выглядеть как мой папочка. Что скажешь?

Кен внимательно посмотрел на нее, подумал и понял, что она говорит дело. Понты Парадиз-Сити для него в прошлом. Необходимо приспособливаться к новым условиям.

– Все верно. Я вернусь через час.

Он вышел из конторы и поехал домой.

По дороге все мысли были заняты этой девушкой. Какая красotka! А как она разговаривает со своим папашей! Какой взгляд, какое тело! А потом Кен заговорил едва ли не вслух:

– Осторожнее, Брэндон! Ты ведь женат на самой лучшей женщине в мире! Вы вместе уже четыре года, и ты никогда не заглядывался на других. Ну да, дочка у Штернвуда сногшибательная, значит самое время проявить осмотрительность!

Когда он вернулся домой, Бетти уже ушла на работу. Он прошел в спальню, вытащил поношенные джинсы, спортивную рубашку и мягкие туфли, переоделся. Обычно в этой одежде он работал в саду. Он оглядел себя в высоком зеркале. Так он больше соответствует духу Сикомба, сказал он себе, вот только прилизанные волосы выбиваются из общей картины. Кен растрепал прическу. Это максимум того, что можно сделать.

Садясь в машину, он подумал: «А девчонка умная! Мне самому надо было позаботиться об имидже. Ну ладно, не важно, кто додумался все исправить, главное, теперь порядок. Пора за работу».

Он не стал возвращаться в контору, а припарковал машину на Трумен-стрит. На другой стороне этой тоскливой улицы стояли ветхие дома, в которых селились чернокожие работники. Кен принялся ходить от двери к двери, беседуя с чернокожими женщинами о будущем их детей, и здесь его ждал сюрприз. Многие хозяйки, сначала окинув Кена подозрительным взглядом, приглашали в дом и выслушивали его. За время этих бесед он понял, что Штернвуд прав, еще как прав. Женщины сразу же проявляли интерес. Их дети были для них важнее всего на свете.

– Возвращайтесь вечером, мистер. Я посоветуюсь с мужем.

Три женщины, явно главные в своих семьях, сами подписали бумаги, каждая дала ему по десять долларов, чтобы скрепить сделку.

К обеду у него было три готовых страховки и десять вероятных.

Воодушевленный, Кен поехал обратно в контору, где его встретило дуновение прохладного воздуха.

Карен печатала на новенькой электрической машинке Ай-би-эм, но прервалась, чтобы улыбнуться ему.

– У меня две страховки, – сообщила она. – Только что заходили люди. А как у тебя?

– Три подписанных и десять возможных. Значит, у тебя новая машинка и у нас кондиционеры. Ты просто фантастический работник!

– Это папа фантастический работник, если знаешь (а я-то знаю) к нему подход.

Протягивая Карен три подписанных страховых полиса, Кен поглядел на нее и снова ощутил, как на него нахлынула волна желаний. Такого при виде других женщин с ним не случилось с тех пор, как он женился на Бетти, и это его встревожило.

– У тебя очень умный отец, – сказал он. – Идея была блестящая.

– Это да, он умник будь здоров. – Она просмотрела полисы, положила на стол. – С голоду умираю. А ты хочешь есть?

– Я посижу тут. Мне кажется, не стоит закрываться на обед. Вдруг кто-нибудь зайдет за страховкой. Может быть, принесешь мне хот-дог или что-нибудь еще?

– Конечно. Я быстро. – Карен подошла к стойке, откинула крышку и направилась к двери.

Кен смотрел ей вслед. Да, его заводит именно это зазывное покачивание бедер, подчеркнутых тугими джинсами.

Когда она ушла, в конторе как будто совершенно опустело.

Оставив дверь своего кабинета открытой, Кен уселся за стол. Несколько мгновений смотрел в пустоту, затем позвонил Бетти в клинику доктора Хайнца.

– Можешь говорить? – спросил он, когда она взяла трубку.

– Только побыстрее, милый, – торопливо проговорила Бетти. – Как у тебя дела?

– Вроде неплохо, но, как всегда, возникли загвоздки. Десять вероятных договоров отложены до вечера. Проблема в том, что мужчины сейчас на работе, а их жены не готовы подписывать бумаги. Я буду поздно. Раньше десяти меня не жди.

– Приготовлю тебе какую-нибудь холодную закуску. – Бетти всегда практически подходила к вопросу питания. – Но в целом неплохо?

– Да. А у тебя все в порядке?

– Как обычно. – Последовала пауза, а потом она спросила: – А как там дочка Штернвуда?

Кен ожидал, что она задаст этот вопрос.

– Да вроде ничего. – Он постарался придать голосу непринужденное звучание. – Еще рано судить. Расскажу подробности, когда приеду домой.

– Она годится для цирка уродов?

Дыхание Кена участилось.

– Э... нет. Это меня удивило, зато характером она вся в папашу. Она точно не мой тип.

Кен проклял себя в тот же миг, как слова сорвались с языка. Он прожил с Бетти четыре года, прекрасно знал, какая она внимательная и проницательная, и он понял, что большей глупости сказать просто не мог.

– Да? Вот это новость для меня, Кен. – В голосе Бетти появился холодок. – Понятия не имела, что тебя привлекает какой-то определенный тип.

– Ты мой тип, – торопливо сказал он. – Я просто имел в виду...

Какого же лешего он имел в виду?

– Я должна идти. Увидимся вечером. – И Бетти повесила трубку.

Кен шумно выдохнул и уставился в потолок. Его мысли снова были с Карен Штернвуд. Он уже сожалел, что согласился на это повышение. Его секретаршу из головного офиса Бетти знала и любила, та была полная, пожилая и очень умная женщина. Эх, если бы Кену хватило духу сказать Штернвуду, что либо он остается старшим агентом и дальше работает с богачами, либо увольняется. Но откуда же ему было знать, что он окажется под одной крышей с такой горячей штучкой, как Карен? Он интуитивно догадывался, что она из тех многочисленных

девушек, кому неведомы моральные принципы, когда речь идет о сексе. Если ей захочется, чтобы ее поимели, так и будет. Он в смятении подумал, что они с ней теперь будут в постоянном тесном контакте, один на один, вдвоем в этом офисе.

Кен провел вспотевшей ладонью по волосам.

«А двое как раз и нужно, – сказал он себе. – Смотри, Брэндон! Осторожнее!»

Затем усилием воли он отвлекся от Карен и принялся обдумывать одну идею, засевшую у него в голове.

Кен вернулся домой без четверти одиннадцать, потный, голодный, умирающий от жажды, но торжествующий. Из десяти потенциальных клиентов, к которым он зашел, восемь подписали договоры, оставшиеся склонялись к тому же, просто хотели еще подумать. Это означало, что он заработал сто девяносто пять долларов комиссионных в первый же день на посту управляющего новым филиалом, а ведь он даже еще толком не приступил. Да, думал он, загоняя машину в гараж, Штернвуд умник.

Пока Карен ходила обедать, он набросал рекламную листовку, в которой простыми словами излагалось, что именно «Страховая корпорация Парадиз-Сити» готова сделать для подрастающего поколения. Он обсудил содержание рекламы с директором по продажам в головном офисе, и тот дал ему зеленый свет. Затем Кен торопливо проглотил два хот-дога, принесенные ему Карен, сказал, что его не будет до вечера, и поехал в местную школу. Поговорил там с директором, худощавым и моложавым негром, который благосклонно воспринял его предложение.

– Конечно, это выстрел наудачу, – сказал Кен, – но вдруг получится. Если так, мне не хватит места в конторе. Вот что я предлагаю: не позволите ли вы воспользоваться школьным актовым залом в какой-нибудь из вечеров, чтобы я мог поговорить с родителями ваших учеников? Могу я сказать им, что вы поддерживаете мою идею?

Директор не колебался ни секунды:

– Да, мистер Брэндон. Я с радостью поддержу вас, но могу я кое-что предложить? Если вы хотите, чтобы пришло побольше родителей, то вечернее собрание – это я точно знаю – не принесет никаких результатов. Отцы весь день на работе, они не захотят никуда выходить, когда вернутся домой. Самое лучшее время для такого собрания – воскресенье, часа четыре пополудни. Все успеют съесть свой воскресный обед и отдохнуть, вот тогда они придут.

Кен поморщился. Это означало, что у него самого воскресенье пропадет, однако он понимал, что школьный директор прав.

– Ладно. Я назначу собрание на воскресенье.

Они еще немного поговорили, и директор назвал ему имена и адреса четверых надежных подростков, которые за несколько долларов согласятся разнести рекламные проспекты по домам в оставшиеся до собрания дни.

После этого Кен отправился в ближайшую типографию. Там ему пообещали напечатать к среде три тысячи экземпляров его рекламы.

Довольный, он вернулся в контору. Присев на стол Карен, он рассказал ей о проделанной работе.

– Ты занята в воскресенье? Мне потребуется твоя помощь, – подытожил он. – Только не говори, что у тебя свидание.

– Свидание, но это не важно. Мне кажется, идея отличная. Па будет ликовать. – Она улыбнулась Кену, а он отметил, как всколыхнулась ее грудь. – Могу я еще чем-нибудь помочь? А то у меня и сегодня важное свидание.

– Большое спасибо. Наверное, все получится, но без твоей помощи я не справлюсь, – сказал Кен. – На сегодня ты свободна. А я сейчас пробежусь по адресам. Начали мы неплохо. Увидимся завтра.

Кен смотрел, как она уходит, и снова завелся от неспешного покачивания ее бедер. И снова контора показалась ему совершенно пустой, когда она вышла.

Вернувшись домой, он нашел Бетти в гостиной. Она смотрела телевизор, но выключила при его появлении. При взгляде на него улыбка застыла на ее лице.

– Кен! Ты что, ходил на работу в таком виде?

– Новые условия, – пояснил он, улыбаясь ей. – Пиво есть? Я просто умираю.

– Все готово. – Она указала на накрытый стол. – Пиво сейчас принесу.

Кен уселся за стол, принимаясь за холодную говядину и салат. Бетти вернулась и поставила перед ним стакан с пивом. Села напротив него.

– Рассказывай.

Он ел, излагая ей все подробности прошедшего дня. О Карен он не стал упоминать, так же как не стал говорить, что собирается работать в воскресенье, – этот день они всегда освобождали для совместного отдыха. Он решил, что эту новость прибережет на конец.

– Я уже заработал сто девяносто пять долларов комиссионных. Как тебе?

– Чудесно! Я знала, что у тебя все отлично получится, дорогой. – Бетти помолчала и продолжила: – Но почему ты в таком виде?

– Когда я приехал в офис – ты не представляешь, что за дыра! – я понял, что оделся неправильно, – сказал Кен и взял добавку салата. – Потом приехала Карен, одетая в какое-то старье. В общем, я вернулся домой, чтобы переодеться.

– Карен?

– Дочка Штернвуда. – Кен отодвинулся вместе со стулом. – Вот чего мне сегодня не хватало. Может, пойдем в постель? Уже поздно, а завтра у нас обоих трудный день.

– Расскажи мне о ней. – Бетти не сдвинулась с места.

– Я же сказал. Она такая же, как ее папаша: жесткая и умная.

– А как она выглядит?

– Нарочито небрежно, – сказал он. – Обычная современная девица, каких полно на улицах. В обычной их униформе: джинсы в обтяжку, футболка, невымытые волосы, но котелок у нее варит.

Кен окинул взглядом свою безупречно ухоженную жену: блестящие волосы, идеальный, несмотря на поздний час, макияж, очень милое и простое голубое платье – и подумал о Карен, чья сексуальность подобна лазерному лучу в ее ультрамодном прикиде.

– Хорошенькая?

– Из толпы не выделяется. – Вот теперь самое время для удара. – Милая, я забыл кое-что тебе сказать. Это собрание в школе назначено на четыре часа в воскресенье.

Бетти посмотрела на него широко раскрытыми глазами:

– В это воскресенье? Кен! О чем ты вообще думал? У Мэри ведь годовщина свадьбы!

Кен смутно сознавал, что на воскресенье вроде бы было что-то запланировано, но его так захватила мысль о том, как он будет выступать перед полным залом потенциальных клиентов, что он попросту отодвинул все остальное на задний план, сочтя неважным.

Он в смятении посмотрел на Бетти:

– Я совсем забыл! Извини, но актовъй зал в школе можно получить только на это воскресенье.

– Но нельзя же так с Мэри!

Мэри была сестрой Бетти: авторитарная, самоуверенная старшая сестра, которую Кен терпеть не мог. Муж Мэри, адвокат по корпоративному праву, по мнению Кена, был самым скучным типом на свете. У них имелся большой, импозантный дом в Форт-Лодердейле. Теперь Кен вспомнил, что они отмечают десятилетие со дня свадьбы. Вспомнил, что они с Бетти приглашены на ланч с барбекю, а потом на торжественный ужин с фейерверком.

– Рекламные проспекты уже печатаются, милая. Мне ужасно жаль.

Бетти в отчаянии всплеснула руками:

– Ах, Кен!

– Я просто не могу это отменить, милая. Воскресенье – единственный день. Мне ужасно жаль.

– Когда ты заканчиваешь?

– Ну, начало назначено на четыре. Все зависит от того, как пойдет. Но к семи я должен освободиться.

Бетти обрадовалась:

– Значит, ты успеешь к фейерверку.

Кен представил себе, как выслушивает кошмарные остроты Мэри и напыщенные речи Джека. И друзья у них сплошь зануды, но он все равно кивнул:

– Конечно. Ты поедешь?

– Поеду ли я? Разумеется! Вечеринка затянется как минимум до полуночи. И ты просто обязан там хотя бы появиться. Иначе Мэри и Джек обидятся.

Кен подавил вздох:

– Я приеду сразу, как только закончится собрание.

Она успокоилась.

– Я объясню Мэри и Джеку, почему ты задержался. На них произведет впечатление, что тебя повысили. – Она поднялась из-за стола и начала собирать тарелки; Кен принялся помогать ей, а она продолжила: – Ты теперь всегда будешь приходить так поздно?

– Надеюсь, что нет. Я уже говорил тебе, беда в том, что мужья, которые должны подписывать бумаги, днем на работе, но это собрание как раз все уладит. Если оно пройдет успешно, не вижу причин, чтобы задерживаться допоздна. Посмотрим.

Они пошли в кухню и вымыли посуду.

– Надеюсь, дело того стоит, – неожиданно произнесла Бетти.

– Чего стоит?

– Чтобы ты работал допоздна, Кен, я ведь почти не буду тебя видеть.

Он обнял ее и чуть прижал к себе.

– Ну, брось, милая. Если бы можно было без этого обойтись. Но это такой шанс для меня, и началось все неплохо. Я уже заработал сто девяносто пять долларов.

– Деньги еще не всё.

– Но без них трудно, правда?

Они лежали в постели, Бетти спала, Кен маялся без сна. Свет луны рисовал узоры на стене. Как бы сильно он ни устал, Кен никак не мог отделаться от мыслей о теле Карен – таком соблазнительном.

И только когда небо начало бледнеть и забрезжил рассвет, он провалился в беспокойный сон.

Собрание в школе обернулось провалом.

Кен понял это, как только вошел в актовй зал: в креслах, которые они вместе с Карен, школьным директором Генри Бернсом и четырьмя подростками, распространявшими накануне его рекламные проспекты, расставляли сами, сидело всего несколько человек, и черных, и белых, а мест было примерно пятьсот.

Поднимаясь на сцену, он оглядел публику и быстро сосчитал: тридцать четыре человека!

Грандиозный провал, подумал он, но улыбнулся широко и приветливо и приступил к своей старательно продуманной агитационной речи. На этот раз она заняла меньше десяти минут, а потом он попросил задавать вопросы.

Вопросы были, и он ответил на них. Народ оживился, когда один водитель грузовика, белый, заявил, что идея отличная и он подписывает договор. Все заговорили разом, и к поло-

вине пятого двадцать восемь человек из аудитории Кена ушли, унося с собой страховые полисы, гарантировавшие будущее их детей. Оставшиеся шесть человек сказали, что хотят еще немного подумать.

Собрание закрылось без четверти пять.

Когда последние родители ушли, к Кену подошел Бернс.

– Мистер Брэндон, боюсь, вы разочарованы, – сказал он, – но, уверяю вас, это большой успех. Я знаю этих людей. Они терпеть не могут собрания. Потому-то так мало и пришло. Но то, что пришли эти тридцать четыре, – большое достижение. Они станут вашими агентами. Они будут повсюду рассказывать, что сделали для своих детей. У нас в Сикомбе все знают друг друга. Новость моментально разлетится. Вот подождите... у вас продыху от клиентов не будет.

Кен поблагодарил Бернса за содействие, пожал ему руку, и они с Карен вышли на жаркое солнце.

– Надеюсь, он прав, – сказал Кен. – Мне показалось, что это сокрушительный провал.

– Кажется, он не дурак, – заметила Карен. – Вероятно, он прав.

Он поглядел на Карен. Они договорились, что на собрании должны выглядеть как можно достойнее. Она пришла в простом платье из зеленого хлопка. Он надел легкий светло-синий пиджак и серые брюки. Пиджак был куплен недавно. Пуговицы на нем были в виде мячей для гольфа, и Кену казалось, они придают пиджаку особенный шик. Пока они стояли на солнце-пеке, он решил, что Карен выглядит сногшибательно.

Предыдущие пять дней пролетели незаметно. Дважды в контору заглядывал Алек Хайамс, коммерческий директор. Кен втайне забавлялся, наблюдая, как Хайамс начинает раболопствовать, разговаривая с Карен, спрашивает, понравилась ли ей пишущая машинка и кондиционеры. Карен обращалась с ним как с пустым местом, намеренно продолжая печатать.

В ожидании воскресенья Кен захаживал в многочисленные магазины и лавочки вдоль Приморской улицы, знакомился с владельцами, предлагая страховки от пожара и несчастного случая. Он не ожидал новых сделок, поскольку у всех давно уже были заключены договоры с другими страховыми компаниями, он просто хотел познакомиться и подружиться. Принимали его хорошо. Несколько хозяев магазинов сказали, что им было бы удобнее заключить договоры с «Корпорацией», когда закончится текущая страховка, и позже они свяжутся с ним.

Кен почти не видел Карен, которая занималась регистрацией договоров, составлением писем и разговорами с многочисленными посетителями, заходившими, чтобы просто спросить. С одной стороны, Кен обрадовался возможности не оставаться с Карен наедине, но при этом постоянно, фоном, особенно по ночам, думал о ней с вождением.

В пятницу вечером контора закрылась. В субботу он работал в саду, потом они с Бетти сходили в кино на вечерний сеанс и поужинали в морском ресторанчике. Он постоянно задавался вопросом, что там поделывает Карен. Она упоминала, что в субботу ей придется присутствовать на яхте отца.

– Вот скукота. Друзья у па такие болваны. Может, смоюсь под каким-нибудь предлогом...

В воскресенье утром он проводил Бетти. Она снова говорила о том, чтобы он ехал в Форт-Лодердейл сразу, как только освободится, и он обещал, что так и сделает.

И теперь, когда собрание завершилось без четверти пять, Кен с огорчением понял, что будет в Форт-Лодердейле уже через час.

А это значит, что до самой полуночи придется торчать в гостях у кошмарных родственников!

Карен неожиданно сказала:

– А ты умеешь держать молоток?

Кен удивленно уставился на нее:

– Разумеется. К чему такой вопрос?

– Просто интересно. Кажется, ты куда-то торопишься. Не можешь задержаться на пару часов?

Сердце у Кена забило чаще.

– Я не спешу. У меня действительно встреча, но не раньше восьми. Чем я могу помочь?

– Я только что переехала в домик на пляже. Надо бы полки повесить. Ты как, хорошо полки вешаешь?

– Да я ведущий специалист по навешиванию полок! Домик на пляже? Ты что, живешь в домике на пляже?

– Только по выходным. Была там вчера вечером, когда отделалась от па и его болванов. Там мило, но полки не хватает.

Они поглядели друг на друга. Кен сомневался. В мозгу загорелась красная лампочка. Он подумал о Бетти. Он говорил себе, что надо найти какой-то предлог и сейчас же отправиться на тоскливую вечеринку к родне, только никаких предлогов на ум не шло. Карен смотрела на него, и на ее полных губах играла дразнящая усмешка – она без стеснения предлагала себя.

– Может, хочешь поехать домой? – спросила она. – В другой раз, наверное?

Красная лампочка погасла, зажегся зеленый.

– Я с радостью помогу, – сказал он и сам услышал, как осип голос. – А инструменты? Может, мне заехать домой и прихва...

– У меня все есть, – перебила она. – Никаких проблем. Поехали.

Они сели в его машину.

– Вот же пакость, – сказала она, устраиваясь рядом с ним. – На прошлой неделе меня в третий раз поймали на превышении скорости, и легавый на месяц отобрал права. Вчера вечером пришлось брать такси, чтобы доехать до пляжа.

– Копы здесь строгие, – заметил Кен, заводя машину. – Куда ехать?

– В Байдарочную бухту. Знаешь, где это?

Кен выразил изумление:

– Там же колония хиппи.

– Верно. Мой домик примерно в полумиле от них. Я к ним заглядываю, когда становится скучно. А они захаживают ко мне. – Она засмеялась. – Они мне нравятся.

– Весьма сомнительное соседство.

– Нормальное.

Кен остановился в конце переулка, дожидаясь паузы в воскресном потоке машин, чтобы вырлиться на шоссе. Он продолжал повторять себе, что не стоит этого делать. Ему надо ехать в Форт-Лодердейл, но тут движение ослабло, он повернул налево, в другую сторону от Форт-Лодердейла, и покатил по запруженному шоссе.

Он прекрасно сознавал, что Карен сидит рядом с ним, но не находил темы для беседы. Сердце тяжело колотилось, руки на руле стали мокрыми от пота.

Карен, кажется, была рада передышке, она мурлыкала что-то себе под нос, закинув ногу на ногу.

Примерно через пару миль она сказала:

– Следующий поворот налево.

Кен сбросил скорость, посигналил, а потом, когда мимо со свистом пронеслась очередная машина, свернул на узкую песчаную дорогу, ведущую к морю. Впереди он увидел заросли кипарисов и манговых деревьев.

– Остановись здесь, – сказала Карен. – Дальше пойдем пешком. Тут недалеко.

Он припарковался в тени деревьев, и они оба вышли. Вечернее солнце до сих пор грело горячо. Когда он запер машину, Карен двинулась сквозь заросли по узкой песчаной тропинке. Кен мгновение постоял, глядя, как покачиваются ее округлые, манящие бедра. От ее походки он буквально сходил с ума.

Откуда-то издали доносились приглушенные голоса, звон гитар и грохот барабанов. Хиппи из колонии самовыражались. В этой части песчаного пляжа было пустынно. Жители Парадиз-Сити держались подальше от Байдарочной бухты. Шагая по длинной тропинке через густой подлесок и заросли цветущих кустов, наблюдая движения ее тела и чувствуя, как колотится в груди сердце, Кен отбросил все предосторожности. Он знал, что изменит Бетти. Следуя за Карен, он пытался убедить свою совесть, что большинство мужчин изменяют своим женам. Он говорил себе, что любит Бетти, что никакая другая женщина не заменит ее, однако эта девчонка, идущая впереди, буквально воспламенила его. Бетти об этом никогда не узнает.

Они вышли из зарослей на поляну. Перед ними стоял небольшой деревянный дом с верандой.

– Вот, пришли, – сказала Карен. – Это все мое!

Он поднялся за ней по трем ступенькам на веранду.

Вынув из сумочки ключ, она отперла дверь. Они вместе вошли в большую комнату, и она закрыла дверь. В доме работал кондиционер. Маркизы на окнах были опущены, и в комнате царил полумрак и приятная прохлада.

Кен стоял рядом с Карен, осматриваясь.

Простая и удобная обстановка: большая козетка и три шезлонга, телевизор, бар, овальный стол и четыре стула с прямыми спинками, в дальнем углу широченный диван – в целом комната производила впечатление уютного любовного гнездышка.

Чувствуя, как подрагивает голос, Кен проговорил:

– Мило... ну что ж, за работу. Где тебе повесить полки?

Она засмеялась:

– Брось, Кен! Ты не хуже меня знаешь, что нет никаких полок. Я хочу тебя. Ты хочешь меня. – Карен расстегнула молнию сзади на платье, и оно упало к ее ногам. На ней оказались только белые трусики. Она протянула к нему руки.

Кен проснулся, виновато вздрогнув, и понял, что лежит в темноте. Несколько мгновений он не мог сообразить, где находится.

Он подумал, что лежит у себя дома, и рядом с ним Бетти. Потом он вспомнил.

Уже темно!

Он зашарил руками рядом с кроватью, нащупал выключатель, зажег свет. С ним в постели лежала Карен, нагая и пресыщенная. Длинные ноги широко раскинуты, руки прикрывают грудь.

Она открыла глаза, когда Кен свесил ноги на пол и встал.

Он поглядел на часы. Они показывали двадцать часов двадцать минут.

Карен набрасывалась на него, словно самка «черной вдовы», она пожирала его, она буквально выдоила его досуха. В самых безумных эротических фантазиях он никогда не представлял себе, как женщина проделывает с ним то, что проделывала Карен. Его страсть к ней испарилась совершенно. Глядя на часы, Кен думал теперь только о том, что появится на вечеринке рядом с Бетти подозрительно поздно.

– Ты посмотри, сколько времени! – воскликнул он. – Я должен ехать!

– С чего такая паника? – лениво протянула Карен. – Здорово было, да?

Он кое-как натягивал одежду.

Должно быть, он рехнулся, когда согласился на это, думал он. Глядя на Карен, лежавшую на постели, Кен вдруг ощутил отвращение. Она ничем не лучше самой последней шлюхи. Ему необходимо попасть в Форт-Лодердейл до того, как начнется этот проклятый фейерверк!

– Мне надо ехать! Меня ждет жена!

Карен засмеялась, запрокинув голову и выгнувшись всем телом.

– Значит, тебе надо ехать. Но зачем же так волноваться, Кен?

Он уже был одет. У него не осталось к ней чувств, кроме отвращения. Он шагнул к двери.
– Кен! – Ледяные нотки в ее голосе заставили его остановиться. – Ты не попрощался.

Он замер, глядя на нее.

– Не нужно мне было этого делать! – сказал он. – Мы просто сошли с ума!

Карен выскользнула из постели и подошла к нему. Ее нагота не произвела на него никакого впечатления.

– Никогда ни о чем не жалею, Кен, – сказала она. – Всегда хватайся за любую возможность и ни о чем не жалею.

Кен едва слушал ее. Единственной лихорадочной мыслью было добраться до Форт-Лодердейла.

– Я должен ехать!

– Там темно. Машину сможешь найти?

– Найду!

– Подожди! – Она пересекла комнату и вынула из ящика мощный электрический фонарик. – Пригодится. – Отдавая ему фонарик, она провела пальцами по его руке. – А ты изумительный любовник.

Кен не обратил внимания на ее слова. Выхватив у нее фонарик, он выскочил из дома и побежал по тропинке, петлявшей через заросли. Единственной мыслью было попасть в Форт-Лодердейл.

Вода перед собой лучом света, он неся по тропинке. Примерно на полпути к машине, скрытой кустами и деревьями, в нос ему внезапно ударил какой-то омерзительный запах. Кен тут же остановился, морщась. Наверное, какое-то животное погибло, была его первая мысль. Медленно ступая вперед, освещая тропинку лучом фонарика, он ощущал, как вонь разложения становится все сильнее. Теперь от нее даже подташнивало.

Кен пошел еще медленнее, а потом луч фонарика осветил тело, лежавшее поперек тропинки. Сердце заколотилось, во рту появился привкус желчи, Кен смотрел во все глаза, холодея.

Тело девушки было без одежды. Живот, от паха до грудины, распорот. Внутренности лежали рядом в грязной кровавой луже.

Кен зажмурился, развернулся и кинулся бежать в обратную сторону. В следующий миг чудовищность только что увиденного оказалась слишком велика для него. Он остановился, и его вырвало. Несколько секунд он стоял неподвижно, пот стекал по лицу, а затем он медленно, подволакивая ноги, вернулся к дому.

Толкнул дверь и вошел в просторную комнату.

Карен стояла, набросив на себя покрывало. Когда он вошел, она обернулась.

Она заметила его мертвенную бледность, и ее глаза в тревоге раскрылись чуть шире.

– Что случилось? – Резкие нотки в ее голосе привели его в чувство.

– Там лежит девушка... мертвая! Ее убил какой-то маньяк! – Кен рухнул в шезлонг. – Все кишки наружу! Какой кошмар!

Карен стояла над ним.

– Что за бред ты несешь?

– Ты что, не слышала меня? – прокричал он. – Там девушка, ее убили и выпотрошили! Надо вызвать полицию!

Поглядев на его покрытое испариной бледное лицо, на трясущиеся руки, Карен подошла к бару и налила щедрую порцию скотча. Протянула ему стакан. Он жадно выпил, передернулся и выронил стакан на ковер. Чистый спирт заставил его встряхнуться.

– Соберись! – прикрикнула Карен. – Значит, там мертвая девушка! Она не имеет никакого отношения к тебе, она не имеет никакого отношения ко мне! Кому какое дело? Отправляйся к жене!

– Я не могу добраться до машины! – признался Кен. – Я не в силах пройти мимо этого кошмара!

– Можешь пойти через пляж. Это просто немного дольше. – Карен подошла к нему совсем близко. Отбросив покрывало, она натянула купальник. – Я тебя провожу.

Кен взглянул на часы. Было уже без четверти девять.

– Слишком поздно! Я не успею в Форт-Лодердейл...

– Да возьми уже себя в руки! Позвони жене. Скажи, что машина сломалась. А потом поезжай домой! – Она подняла с пола стакан и налила еще скотча.

– Давай! Ну же!

Кен выпил, затем собрался с силами и взял телефон, который она сунула ему в руки. Мгновение он колебался, но затем набрал номер свояка. Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Последовала пауза, затем зычный голос произнес:

– Да, слушаю!

– Джек... это Кен.

– Привет, дружище! – Судя по голосу, Джек был пьян. – А мы тебя ждем. Что тебя задержало?

– Слушай, Джек, у меня машина ко всем чертям сломалась. Я сейчас в гараже, механик как раз работает.

– Ого! А что случилось?

– Да кто его знает. Мотор просто заглох, и все. Извини меня, Джек.

– Кен, ты не можешь так со мной поступить! У нас ведь годовщина. Важная дата, Кен! –

После паузы он продолжил: – Если бы все не перепились так, я бы кого-нибудь отправил за тобой. Ты сейчас где?

– На шоссе. Слушай, Джек, как только машину починят, я подъеду. Может, это не так уж и долго. Объясни все Бетти.

– Конечно... конечно. Фейерверки уже устанавливают. Приезжай побыстрее. – Его свояк повесил трубку.

Кен тоже положил трубку на рычаг и посмотрел на Карен:

– Это тело... – Он передернулся. – Мы обязаны вызвать полицию!

– Кен! Подумай своей головой! – взвилась Карен. – Какая полиция? Они спросят, что ты здесь делаешь, если должен быть на вечеринке. Думаешь, кто-нибудь поверит, что ты явился сюда полки приколачивать? Ты вообще представляешь, что устроит мой чертов папаша, если узнает, как мы с тобой проводили здесь время? Он настолько туп, что до сих пор считает меня девственницей, но не настолько туп, чтобы не понять, чем мы тут занимались вдвоем! Ты останешься без работы, а меня лишат этого дома! Никакой полиции! Все, отправляйся, пошли!

Проглоченный Кеном скотч согрел изнутри. Карен права, сказал он себе. Никакой полиции! Как она уже успела заметить, это омерзительное убийство не имеет никакого отношения ни к кому из них.

Тело найдет кто-нибудь другой. Он понимал, что если Штернвуд узнает о его шашнях с Карен, то не просто укажет ему на дверь: он достаточно мстителен, чтобы Кен оказался в черном списке. Тогда он вообще не найдет работу в страховом бизнесе. И ведь есть еще Бетти! Боже! В какое же дерьмо он влип!

– Пошли! – нетерпеливо повторила Карен.

Он последовал за ней во влажную жаркую ночь.

То шагая, то сбиваясь на бег, она влекла его вниз, к пляжу, в обход зарослей – Кен не смог заставить себя взглянуть на них, зная, что там лежит жуткий труп, – а потом вывела на берег. Через несколько шагов, когда заросли остались уже позади, она повернула в сторону материка. Огибая кусты, они неожиданно натолкнулись на человека, который стремительно шагал им навстречу. В ярком свете луны они увидели, что он высокий, худой, бородатый, на нем одни

лишь драные джинсы, а за плечом болтается спортивная сумка. Только глаза блестели из-под копны волос, а из густой бороды торчал нос, длинный и тонкий.

Человек притормозил.

– Эй, привет! – сказал он.

У Кена возникло неприятное ощущение, что незнакомец внимательно рассматривает их.

– Привет! – с улыбкой отозвалась Карен.

– Я ищу Байдарочную бухту, – пояснил человек. Кен понял, что ему на самом деле лет двадцать.

– Иди все время вперед, – сказала Карен. – Осталось примерно полмили. – И, шагнув мимо него, она двинулась дальше; Кен следом за ней.

– Он узнает нас при случае, – хрипло прошептал Кен.

– Этот бродяга? Да он себя самого в зеркале не узнает, – с презрением отозвалась Карен.

Кен обернулся. Бородач стоял на месте, глядя им вслед. Он помахал рукой, затем развернулся и направился в сторону колонии хиппи.

– Дальше сам, – сказала Карен, останавливаясь. – Твоя машина за теми деревьями. – Она подошла к нему и обхватила за шею. – Здорово было, правда?

От прикосновения ее горячих ладоней Кен дернулся.

– Это больше не повторится, – сказал он, отступая от нее.

Она засмеялась:

– Все так говорят. Когда сыты.

Карен погладила его по щеке, затем развернулась и побежала по песку в сторону моря.

Глава вторая

В половине девятого вечера в кабинете полицейского управления Парадиз-Сити царил тишина. Детектив третьего класса Макс Джекоби беззвучно артикулировал фразы вроде: *Je voudrais un kilo de lait. Mais, mon petit, le lait ne se vend pas au poids: ça se mesure*².

Да это и последнему тупице понятно, думал Джекоби, однако, отчаянно желая заговорить по-французски, он повторял предложения из учебника *Ассимиль*³ «Французский без труда». Заветной мечтой Джекоби было провести отпуск в Париже, болтая с девушками.

На другом конце комнаты за своим столом сидел детектив первого класса Том Лепски, сражаясь с кроссвордом.

Лепски, тонкий, высокий, недавно получил повышение. Его весьма радовал тот факт, что он поднимается по карьерной лестнице. Его сокровенной мечтой было сделаться в итоге шефом полиции.

У него на столе зазвонил телефон. Лепски, нахмурившись, схватился за трубку.

– Детектив Лепски! – рыкнул он «полицейским» голосом.

– Нечего так орать, Лепски, – сказала его жена.

– А, это ты. Милая, какая неожиданная радость, – ответил Лепски, смягчая тон.

– Где ключи от моей машины?

Лепски вздохнул и закатил глаза к потолку. Он обожал свою красотку с ее командирскими замашками, но бывали моменты, когда ему хотелось бы, чтобы она не выносила ему мозг.

– Ключи от машины? – повторил он с недоумением. – Что-то я не улавливаю твою мысль.

– Ты забрал ключи от моей машины! Я сегодня встречаюсь с Мюриель, а ключей нет!

Лепски выпрямился на стуле. Назревает ссора.

– Да какого лешего мне забирать твои ключи? – спросил он.

– Нечего на меня ругаться! Моих ключей нет там, где я их оставляю. Это ты их взял!

Лепски забарабанил пальцами по столу:

– Да не видел я твои чертовы ключи!

– Стыдись, Лепски! Что за выражения! У меня пропали ключи от машины! Наверняка это ты взял!

Лепски издал звук, похожий на громкий выхлоп автомобиля.

– И нечего так на меня фыркать! – отрезала Кэрролл.

Лепски сделал долгий вдох.

– Извини, – проговорил он сквозь стиснутые зубы. – Я понятия не имею, куда подевались эти черт... твои ключи. Ты искала?

– Искала ли я? – Голос Кэрролл взлетел.

Джекоби отложил свой *Ассимиль* и уселся поудобнее, чтобы насладиться представлением. Он часто слушал, как Лепски с женой орут друг на друга по телефону. И часто думал, что это ничем не хуже какого-нибудь комедийного шоу, какие показывают по телевизору.

– Именно это я и спросил. – Лепский перешел в наступление. – Ты смотрела под диванными подушками? А в своих сумочках?

– Лепски! – Металл в голосе Кэрролл быстро его охладил. – Моих ключей нет! Их забрал ты!

Лепски зашелся хохотом, которому позавидовала бы и гиена.

– Брось, милая! Зачем мне забирать твои проклятые ключи?

---

² Я бы хотел килограмм молока. – Но, малыш, молоко не продается килограммами, это же мера веса.

³ Метод изучения иностранных языков, разработанный одноименной французской компанией в 1929 году.

– Хватит сквернословить! Вечно ты берешь вещи и теряешь их! Это ты взял!

Лепски печально покачал головой. По временам Кэрролл приходила к совсем уж глупым выводам.

– Ну же, милая, посмотри еще раз. Ты обязательно их найдешь. Действуй, как детектив вроде меня... поищи как следует.

Он сунул руку в карман пиджака, потянувшись за пачкой сигарет. Пальцы наткнулись на что-то металлическое, и наблюдавший за ним Джекоби увидел, как он вздрогнул, словно металл был раскаленный.

– Я везде уже смотрела! – надрывалась Кэрролл.

Даже Джекоби слышал ее слова.

Лепски выудил из кармана ключи от машины своей жены, негромко простонал и спешно убрал их обратно в карман.

– Ну хорошо, ладно, милая, – сказал он, добавив в голос меда. – Ты задевала куда-то свои ключи... с кем не бывает. Что ж теперь. Вызови такси. Я оплачу. Никаких проблем. Возьми такси туда и обратно. Когда вернусь домой, найду твои ключи. Как тебе такое?

– Такси?

– Ну да... именно. За мой счет. Повеселись как следует.

– Лепски! Теперь мне ясно, что ты нашел ключи у себя в кармане! – И Кэрролл грохнула трубку на рычаг.

В кабинете повисло долгое молчание. Драма окончилась. Джекоби вернулся к своим французским штудиям. Лепски уставился в пространство, соображая, где бы по возвращении домой найти укромное местечко и спрятать там ключи, чтобы Кэрролл поверила в несправедливость своих обвинений.

Затем телефон зазвонил на столе Джекоби.

– Уголовный розыск. Джекоби у телефона, – произнес он сжато.

В трубке раздался мужской голос, низкий и хриплый:

– Слушай, фараон, повторять не стану. Собери мозги в кучку.

– Кто говорит? – произнес Джекоби, цепенея.

– Я сказал, слушай. Вам надо забрать жмура. Байдарочная бухта. Первая роща после поворота. Нехороший труп.

В трубке повисла тишина.

Встревоженный, Джекоби посмотрел через комнату на Лепски. Пересказал разговор.

– Может, телефонный хулиган, – подытожил он.

Лепски, всегда готовый приняться за работу, схватил телефонную трубку и позвонил в дежурку:

– Гарри! Кто патрулирует район Байдарочной бухты?

– Шестая машина. Стив и Джо.

– Скажи им, чтобы обследовали первую рощу после поворота к бухте, и побыстрее!

– А что им там искать?

– Труп, – сказал Лепски. – Может, это телефонный розыгрыш, но все равно пусть поторопятся!

Он повесил трубку, закурил сигарету, затем поднялся из-за стола.

– Подготовь рапорт, Макс, – сказал он. – Я дождусь звонка Стива, прежде чем докладывать шефу.

Пока Джекоби отстукивал рапорт на машинке, Лепски расхаживал по комнате и был при этом ужасно похож на гончую, которая рвется со своры.

Спустя двадцать минут телефон зазвонил.

– Говорит Стив. Все действительно плохо: труп девушки, выпотрошенный. Точно убийство.

Лепски поморщился. В Парадиз-Сити уже давно не случалось убийств.

– Оставайся на месте, Стив. Я выезжаю.

В четверть десятого вечера четыре полицейские машины съехались к роще на пути в Байдарочную бухту. Шеф полиции Террелл, сержант Джо Биглер, сержант Фред Гесс из отдела по расследованию убийств, Лепски и еще три детектива первыми осмотрели жуткие останки. Затем на машине «скорой помощи» прикатил полицейский врач Лоис с двумя интернами. Полицейский фотограф через силу сделал снимки, после чего торопливо бросился в кусты, где его вырвало.

Полицейские посоветовались. Тело наконец увезли.

Террелл подошел к доктору Лоису.

– Какая вырисовывается картина, док? – спросил он.

– Ее ударили по голове, раздели и распорол живот. Она погибла не больше двух часов назад. Точнее скажу, когда она окажется у меня на столе.

Террелл, массивного телосложения мужчина с седыми усами и решительно выдвинутой челюстью, буркнул:

– Сделай все как можно быстрее.

Он вернулся на место, где его дожидался Гесс, низенький и толстый.

– Ладно, Фред, остаешься за главного. Я поеду в управление. Выясню личность.

Махнув Биглеру, он двинулся к машине.

Гесс обернулся к Лепски:

– Возьми Дасти, поговорите с хиппи. Выясните, не из их ли она компании. Терри снял ее на «поляроид». Возьми у него фотографии.

Лепски отправился искать Терри Дауна, полицейского фотографа. Тот сидел на песке, сжимая голову руками и постанывая.

Даун, высококлассный, несмотря на юный возраст, фотограф, работал в полиции Парадиз-Сити всего полгода. Дрожащей рукой он протянул Лепски три фотографии лица девушки.

– Г-господи! Какой кошмар... жуть!

– Ничего хуже ты уже не увидишь, – утешил Лепски.

Он рассмотрел фотографии в свете луны. Девушка была несимпатичная. Худошавое лицо, жесткая линия рта. Лепски решил, что такая девушка прошла огонь и воду, жизнь у нее точно была не из легких.

К нему присоединился Дасти Лукас, детектив третьего класса. Дасти было около двадцати четырех, массивный парень со сплюснутым лицом боксера, он и был боксером, лучшим тяжеловесом в полицейской боксерской команде.

– Пошли, Дасти, – сказал Лепски, забираясь в машину. Дасти сел рядом с ним. Лепски ехал по утрамбованному белому песку, пока впереди не показался костер и факелы, освещавшие палатки и пляжные домики. Он затормозил. – Отсюда пойдем пешком.

До них доносились негромкие звуки гитары и барабанов. Какой-то парень пел.

– Совершенно не понимаю, почему мэр Хедли не вышвырнет из города эту шваль, – проворчал Лепски. – Тьфу! Ну и вонища!

– Ну должны же они где-то жить, – рассудительно заметил Дасти. – Пусть уж лучше здесь, чем в городе.

Лепски фыркнул. Он стремительно зашагал к группе молодежи: человек пятьдесят сидели на песке вокруг большого костра. Им всем было от шестнадцати до двадцати пяти. Почти все парни с бородами, у некоторых волосы до плеч. Девушки тоже как по одной выкройке: джинсы, футболки, засаленные шевелюры с длинными челками.

Тот парень, который пел, был худой и высокий. Лицо и голову скрывала буйная кучерявая растительность, не дававшая даже понять, хорош ли он собой. Певец заметил двух детективов,

которые выдвинулись из тени, и тут же умолк. Он сидел на ящике из-под апельсинов. Когда он медленно поднялся с ящика, около сотни глаз уставились на Лепски.

Кто-то произнес в темноте:

– Фараон.

Наступил долгий момент тишины и оцепенения, а потом худой и высокий певец отложил гитару, обошел сидевших в кружок хиппи и остановился перед Лепски.

– Я в лагере главный, – сообщил он. – Чет Мисколо. Что-то случилось?

– Да, – подтвердил Лепски. – Детектив первого класса Лепски. Это детектив Лукас.

Мисколо кивнул Дасти, и тот кивнул в ответ.

– В чем проблема?

Лепски протянул ему три поляроидных снимка:

– Знаешь ее?

Мисколо подошел к факелу, посмотрел на снимки, потом перевел взгляд на Лепски:

– Знаю, это Джейни Бандлер. Как будто мертвая.

Вздых пронесся над группой молодежи, все начали подниматься на ноги.

– Верно, – подтвердил Лепски. – Убита, все внутренности вынуты.

Над компанией снова пронесся вздох.

Мисколо вернул фотографии.

– Появилась вчера вечером, – сообщил он. – Сказала мне, что останется всего на несколько дней, потому что в Майами ее ждет работа. – Он потер рот. – Очень жаль. Мне она показалась нормальной.

Он говорил с сожалением, и Лепски, наблюдавший за ним, решил, что он искренне огорчен.

– Чет, давайте выясним, что о ней вообще известно.

Чувствуя напряжение, исходившее от группы, Лепски уселся на песок. Дасти последовал его примеру, устроившись поближе к факелу и вынув записную книжку.

Это был верный шаг. Хиппи поколебались, а потом тоже расселись.

Обоим детективам показалось, что запах жареных сосисок и немытых тел слишком уж силен.

– Сосиску хочешь, фараон? – спросил Мисколо, плюхаясь на песок рядом с Лепски. – Мы как раз собирались похавать.

– Не откажусь, – ответил Лепски, – только не называй меня фараоном... зови меня Лепски... идет?

Толстая девица подцепила вилкой две сосиски со стоявшей на огне сковородки, вернула в бумагу и протянула Лепски.

– Тому фараону не давайте, – велел Лепски. Он не хотел, чтобы Дасти заляпал жиром блокнот. – А то еще растолстеет.

Над группой пронесся легкий смешок, и напряжение спало. Дасти скорчил комическую гримасу.

Лепски откусил сосиску и прожевал.

– Вкусно. А вы, ребята, понимаете толк в еде.

– Справляемся, – отозвался Мисколо. – Кто ее убил?

Лепски доел сосиску. Он сказал себе, что поговорит с Кэрролл насчет сосисок. Кэрролл была неопытная повариха, но всегда готовая к экспериментам. Она постоянно сооружала какие-то сложные блюда, которые неизменно оказывались несъедобными.

– Именно это мы и стараемся выяснить, – сказал Лепски. – Она пришла сюда вчера вечером и сказала, что в Майами ее ждет работа... так?

– Именно это я и сказал.

– Она говорила, что это за работа?

– Только не мне. – Мисколо оглядел группу. – Она рассказывала об этом кому-нибудь? Толстуха, дававшая Лепски сосиски, сказала:

– Мы ночевали в одном домике. Она утверждала, что работает в яхт-клубе в Майами. Я ей не поверила. По ее стилю я бы сказала, что она проститутка.

Лепски решил, что это более чем вероятно.

– Как тебя зовут?

– Кейти Уайт.

– Кейти живет здесь постоянно, – вставил Мисколо. – Она занимается готовкой.

Теперь Лепски понял, почему девица такая толстая.

– У Джейни были с собой какие-нибудь вещи?

– Рюкзак. Он в домике.

– Я его заберу. – Лепски помолчал, затем продолжил: – Что было сегодня вечером?

– Она сказала, что пойдет прогуляться, – сообщила ему Кейти. – Мне она не понравилась.

Поэтому мне было плевать, куда она идет.

– Почему она тебе не понравилась?

– Она была слишком резкая. Я пыталась с ней поболтать, но она только сыпала ругательствами.

– Когда она ушла гулять?

– Около семи.

– Кто-нибудь еще ее видел?

Хором прозвучало «нет».

– Значит, она отправилась гулять и попала в беду: ее ударили по голове, а ее кишки сложили в кучу рядом с ней.

Последовало долгое потрясенное молчание.

– Слушайте, народ, где-то поблизости, возможно, бродит потрошитель, – сказал Лепски спокойным и серьезным тоном. – Я вас предупреждаю. С этого момента не гуляйте поодиночке с наступлением темноты. – Снова повисло долгое молчание, которое нарушил Лепски: – Не знаете кого-нибудь, кто способен на такое? Какого-нибудь психопата?

– Здесь таких нет, – твердо заявил Мисколо. – Мы как одна большая семья. Никаких психопатов.

Лепски подумал, потом спросил:

– Есть у вас в лагере новенькие? Я имею в виду тех, кто появился здесь за последние четыре часа?

– Один парень пришел пару часов назад, – сказал Мисколо. – Назвался Лу Буном. У него есть кое-какие деньги, он снял пляжный домик для себя одного. Я о нем ничего не знаю.

– Где он сейчас?

– Спит. Сказал, что ехал автостопом от самого Джексонвилла.

– Я с ним поговорю. – Лепски доел оставшуюся сосиску и поднялся с песка. – Где мне его найти?

Мисколо тоже встал:

– Я провожу.

Когда они втроем, вместе с Дасти, шли по песку к крошечным деревянным домикам, Мисколо сказал:

– Мистер Лепски, мне здесь неприятности не нужны. Я уже два года управляю этим лагерем. И до сих пор не было никаких проблем. Мэр Хедли ничего против нас не имеет.

– Ясно, Чет, только не надо обманывать себя: неприятности у тебя уже есть.

Мисколо остановился и указал на самый дальний домик в ряду:

– Он там. Хотите, я подожду здесь?

– Может, лучше зайдешь и разбудишь его? – попросил Лепски. – Скажешь ему, что мы хотим поговорить. А когда он проснется, войдем мы... как тебе?

– А вы, копы, сами зря не рискуете, да? – усмехнулся Мисколо. – Предоставляю это дело вам. Я еще не ужинал.

И, обогнув Лепски, он пошел обратно к лагерному костру.

Лепски криво усмехнулся Дасти:

– Надо же было попробовать.

– Этот парень не дурак.

Лепски вынул полицейский револьвер 38-го калибра, затем подошел к домику и рывком распахнул дверь. Дасти, следуя инструкции, упал на колени, прикрывая Лепски своим револьвером.

Лепски заглянул в кромешную темноту. Ему в нос ударил запах немытого тела. Затем зажглась лампочка. Лепски отступил в сторону, нацеливая револьвер.

Молодой человек, голый, с бородой, сидел на раскладушке.

– Не двигаться! – рыкнул Лепски «полицейским» голосом. – Полиция!

Бородатый молодой человек бросил себе на колени грязную рубашку, глядя, как Лепски входит в домик.

– Чего вам от меня нужно?

Дасти тоже вошел, встал к стене. Убрал оружие в кобуру.

Довольный тем, что этот хиппи не вооружен, Лепски опустил револьвер.

– Проверка, – объяснил он. – Как тебя зовут?

– Лу Бун. Копы даже поспать человеку не дают!

Лепски уселся на единственный стул. Сунул оружие в кобуру.

– Ты только что прибыл, Лу? Верно?

– Если вам нужно точно, – сказал Бун, – я вошел в этот дом в пять минут десятого вечера.

– Как ты добрался сюда?

– Да какого черта! Ногами дошел!

– Я имею в виду, по какой дороге?

– Вдоль пляжа. Меня подвезли до конца шоссе, а потом я спустился к морю и пошел по пляжу.

– Мы расследуем убийство, – спокойно пояснил Лепски. – Ты никого не встретил? Ничего не слышал? В зарослях рядом с дорогой нашли тело девушки. Ты в ту сторону не ходил?

Бун оцепенел.

– Вы чертовски правы, не ходил! Я ничего не знаю об убийстве!

– Девушку убили примерно в то время, когда ты спускался с шоссе. Никого не видел? Может, слышал что-нибудь?

Бун поскреб бороду, глаза у него забегали.

– Я никого не видел и ничего не слышал.

Лепски интуитивно чувствовал, что тот лжет.

– Слушай, Лу, подумай еще раз. Ты никого не встретил на дороге или на пляже?

– Не о чем мне думать. Говорю вам: нет!

– Девушке распорол живот. У убийцы наверняка вся одежда в крови, – заметил Лепски. – Я хочу взглянуть на твою одежду.

– А вот этого делать не следует, коп. Я свои права знаю. Покажите ордер на обыск!

Лепски посмотрел на Дасти.

– Обыщи этот клоповник, – велел он.

Когда Дасти подошел к небольшому шкафу, Бун соскочил с раскладушки, совершенно голый, но тут же замер, когда Лепски показал ему револьвер.

– Остынь, Лу, – посоветовал Лепски «полицейским» голосом.

Бун сел обратно на постель:

– Я вам, копы, покажу! Я свои права знаю.

Дасти потребовалось всего несколько минут, чтобы осмотреть одежду Буна. Он скорчил Лепски гримасу:

– Он чист.

– Завтра же подам жалобу! – заявил Бун. – Я вам покажу, чертовы шпики!

Лепски ухмыльнулся ему, оскалившись по-волчьи:

– А не хочешь сесть за сбыт наркоты, Лу? – Он вынул из кармана маленький пакетик. – Я всегда смогу заявить, что нашел это в твоих вещах. Как тебе такая идея?

Бун посмотрел на пакетик, пожал плечами:

– Ладно. Забудьте. Что-то я зарвался. Коп не может проиграть.

– Точнее не скажешь. А теперь послушаем о тебе: чем занимаешься, откуда родом, когда собираешься уходить.

Бун снова пожал плечами и начал рассказывать.

Дасти торопливо записывал в свой блокнот.

Кен Брэндон вернулся домой в половине десятого. Все время пути его мозг старательно трудился. В какое жуткое дело он вляпался! Уже скоро тело обнаружат, приедет полиция. Если бы не это чудовищное убийство, он отправился бы в Форт-Лодердейл и провел бы остаток вечера, празднуя годовщину свадьбы Мэри и Джека. Однако вид выпотрошенного тела полностью выбил его из колеи. Даже теперь, выруливая на длинную дорогу, ведущую к его дому, он чувствовал, как подступает тошнота.

Стоял воскресный вечер. Почти никого из соседей не было дома. Кен выключил фары, оставив только парковочные огни, и медленно поехал по дороге. Он понимал, что, если хочет заручиться алиби перед Бетти и полицией, самое важное – вернуться домой так, чтобы его не заметили.

Он подъехал к воротам своего гаража, шлепнул по устройству, открывающему их, и загнал машину внутрь. Он долго сидел в машине, размышляя. Затем вышел, открыл дверь, ведущую в прихожую, и двинулся в темноте в сторону гостиной. Подошел к окну и выглянул на улицу. Три дома на противоположной стороне были погружены во тьму. Он задернул тяжелые шторы, на ощупь прошел через комнату и включил свет.

Пока что все складывается удачно, подумал Кен. Он был уверен, что никто не заметил его появления.

Налив себе скотч с содовой, он уселся. Мысли разбегались, словно испуганные мыши. Первым делом необходимо убедить Бетти. Он заставил себя сосредоточиться. Спустя какое-то время решил, что будет придерживаться фактов. Бетти не дуручка. Он продумал свою историю, затем, удовлетворенный, вспомнил о Карен.

Господи! Какая же это безумная, безрассудная ошибка! Он вздрогнул при мысли о том, что завтра снова увидит Карен в конторе. Опустошенными похождениями, в данный момент он видел в Карен лишь угрозу своему браку и карьере.

Потом он вспомнил о бородатом молодом человеке, которого они повстречали. Если полиция до него доберется, если он расскажет, что видел их с Карен, тогда...

Кен утер с лица пот.

Он так и сидел в шезлонге, когда услышал, как подъехала машина Бетти. Он сделал глубокий вдох и поднялся.

Спустя несколько секунд Бетти вошла.

– Что случилось, Кен?

Он редко видел, чтобы Бетти сердилась, но теперь все признаки были налицо.

– Я ведь все рассказал Джеку. У меня случилась поломка, – пояснил он ровно. – Вечеринка удалась?

– Кен! Почему ты не приехал? Все меня спрашивали. Мэри ужасно расстроилась!

– Что-то случилось с зажиганием. Прости меня, милая. Я задержался больше чем на час.

– Но ты все равно мог приехать!

– Да, конечно, мог, но после фиаско в школе, да еще и возни с машиной, я был просто не в настроении. Прости, но так уж получилось.

– Фиаско? – На лице Бетти отразилась озабоченность.

– Еще какое! Я так старался, мы поставили пятьсот стульев, а пришло всего тридцать четыре человека! После собрания я сел в машину, а она не заводится. Там я и застрял! Черт знает что такое! У меня чуть крышу не сорвало. Я выкрутил все свечи, перепачкался. После всего этого уже не было никакого настроения ехать в гости.

– Значит, вы ничего не продали?

– Ну, несколько человек заключили договоры, но какой провал! Я поехал сразу домой зализывать раны.

Бетти подошла к нему и обняла. Он взъерошил ей волосы, ощущая уверенность, что первое препятствие он преодолел.

– Дорогой, мне так жаль. Я думала, что у тебя все пройдет отлично, – сказала она.

– То-то и оно... Мне тоже жаль. Я знал, что надо бы поехать, но я так расстроился, что вечеринку просто не выдержал бы.

Бетти отошла от него, улыбнувшись своей чудесной улыбкой, которую он так обожал.

– Пойдем спать. Завтра я все объясню Мэри.

Пока они раздевались, Бетти спросила:

– А что делала мисс Штернвуд?

Кен ощутил, как внутри что-то сжалось.

– У нее было свидание. Она уехала раньше, чем я завел машину, – солгал он.

Бетти ушла из спальни в душ. Кен лег в постель и лежал на спине, уставившись в тускло освещенный потолок.

Все должно получиться, говорил он себе. Мошонка до сих пор болела после того, что устроила ему Карен. И теперь он отдыхал. Затем Бетти скользнула в постель и погасила свет. Обняв его, она придвинулась ближе.

– А я в настроении, милый, – проворковала она.

Первый раз со дня их свадьбы Кен ее подвел.

На следующее утро Кен встал, когда Бетти еще спала, наскоро сделал себе чашку кофе и поехал в контору. Он боялся встречи с Карен.

Отперев дверь, он вошел в свой кабинет и включил оба кондиционера. Он трудился над договорами, которые заключил накануне с родителями в школе, когда приехала Карен.

– Привет! – сказала она, останавливаясь в дверях его кабинета и улыбаясь. – Проблем не было?

– Нет.

Кен поднял на нее глаза. Она явилась в своих неизменных джинсах в обтяжку, футболка подчеркивала соблазнительную грудь, глаза блестели, но его к ней не влекло.

– Ты какой-то бледный, Кен, – заметила она. – Разве мы плохо повеселились?

Он толкнул ей через стол тринадцать договоров:

– Зарегистрируй, пожалуйста. Я сейчас подготовлю остальные.

Карен засмеялась:

– Конечно. – Она подошла и взяла бумаги. – Сегодня утром ничего, кроме работы, да?

Он не взглянул на нее, а лишь хмуро уставился в лежавший перед ним договор.

– Ну-ну! – Она снова рассмеялась. – Мистер Раскаяние. Ты поправишься.

Она вернулась в свой кабинет, покачивая бедрами.

Кен откинулся на стуле. Ему необходимо от нее избавиться, сказал он себе.

Такое положение нельзя терпеть дальше. Но что же делать? Он сидел, уставившись в пустоту, прислушиваясь к деловитому щелканью пишущей машинки Карен. Как бы найти убедительный предлог и уговорить Штернвуда перевести дочку в головной офис?

А потом предсказание школьного директора, Генри Бернса, начало сбываться.

Внезапно услышав гул голосов в передней комнате, Кен встал из-за стола. Перед стойкой толпилось больше дюжины чернокожих людей. Все они желали узнать, что «Страховая корпорация Парадиз-Сити» готова сделать для их детей.

И с этого момента Кен и Карен трудились, не поднимая головы. Утро пролетело незаметно. Оба пообедали сэндвичами, принесенными из закусочной через дорогу. И только к четырем часам дня они смогли немного передохнуть.

– Ф-фу! Ну и денек, – выдохнула Карен. – Па будет счастлив.

– Значит, не таким уж провальным было собрание. Позвоню Хайамсу. Есть чем похвастать.

Кен зашел в свой кабинет и проверил номера выданных им полисов, а в следующую секунду, когда потянулся к телефону, услышал, как открылась входная дверь. Еще один клиент, решил он, поднялся и выглянул в переднюю комнату.

Возле стойки он увидел высокого худощавого человека с жестким взглядом голубых глаз. Кен ощутил, как ледяная волна прошла по спине. Полиция! Он сразу же узнал детектива Тома Лепски из полицейского управления. Хотя Кен ни разу не сталкивался с ним лично, он часто видел, как тот проезжает или идет по городу. Один из приятелей Кена по гольфу сказал как-то: «Видишь того парня? Он станет шефом полиции, когда Террелл выйдет в отставку, здорово башковитый».

Кен скрылся в кабинете. Он вынул носовой платок, чтобы утереть со лба холодный пот. Ему тут же вспомнился бородатый хиппи. Должно быть, он выдал полиции описание Карен и его самого!

Лепски наклонился над стойкой и одобрительно взглянул на Карен. Лепски благосклонно относился к любой девушке, которая представлялась ему лакомым кусочком.

Карен перестала печатать, поднялась и подошла к стойке. От Лепски не ускользнуло, как вздымается ее грудь и покачиваются бедра, и он плотоядно улыбнулся:

– Мисс Штернвуд?

Карен тоже знала, что перед ней детектив. Увидев его улыбку, она ответила ему тем же, и ее ресницы затрепетали, что заинтриговало Лепски.

– Ну, если нет, – сказала она, – значит кто-то другой влез в мою одежду.

Лепски издал негромкий хищный смешок.

– Вы ведь полицейский, – продолжала Карен. – У вас есть дети, мистер Лепски?

Сбитый с толку, Лепски уставился на нее:

– Дети? При чем здесь... У меня...

– Вы, должно быть, женаты, – пояснила Карен. – Такой красивый мужчина уж точно не может быть холостяком.

Лепски заурчал, словно кот, наевшийся сардинок:

– Мисс Штернвуд...

– Так, значит, вы задумались о пополнении семьи и решили позаботиться о страховке, – продолжила Карен, выпятив перед ним грудь. – Мистер Лепски, вы пришли в нужное место. Страховка еще не родившихся детей у нас по минимальной ставке.

Лепски взял себя в руки. Сама мысль о том, чтобы иметь детей плюс постоянно спорить с Кэрролл, была самым худшим его кошмаром.

Он прекрасно знал, что Карен – дочь одного из самых богатых и влиятельных людей в городе. Ребята из отдела по расследованию убийств, осматривая берег, наткнулись на пляжный домик Карен, который стоял в двухстах ярдах от места, где нашли тело. Гесс, знавший о городских богачах все, что только возможно, велел своим подчиненным не приближаться к дому. Он сообщил Терреллу, и тот велел Лепски поговорить с Карен, которая будет в отделении «Страховой корпорации» в Сикомбе.

– Только обращай с ней аккуратно, – предостерег Террелл. – Мы не хотим разозлить Штернвуда. Мои информаторы сообщают, что она первостатейная стерва.

– Мисс Штернвуд, – твердо произнес Лепски, – я занимаюсь расследованием убийства.

Карен широко раскрыла глаза в искреннем изумлении:

– В самом деле? Значит, пока что вы не планируете пополнение в семье? – Она зазывно улыбнулась. – Может быть, позже.

Лепски чуть ослабил воротничок, поддев его скрюченным пальцем.

– Вчера вечером, мисс Штернвуд, в паре сотен ярдов от вашего пляжного домика была убита девушка. Вы были в домике вчера вечером?

– Да, была, одна, я иногда люблю побыть сама с собой. Приятно расслабиться после недели работы в этой дыре. – Карен захлопала ресницами. – А вы, мистер Лепски, не любите иногда побыть в одиночестве?

В пронизательный разум Лепски закралось сомнение. Похоже, эта горячая штучка пытается его одурачить.

– Вы ничего не слышали? Никаких криков? Что-нибудь?

– Я смотрела телевизор. Вы любите телевидение? Наверное, вы слишком заняты, чтобы часто смотреть «ящик». А меня это расслабляет.

Лепски улыбнулся своей волчьей улыбкой:

– И что вы смотрели, мисс Штернвуд?

Он увидел, как она заморгала, и понял, основываясь на своем большом полицейском опыте, что попал в точку, – она лжет.

– Да я не помню. – Карен пожала плечами, снова обретая уверенность в себе. – Разве это важно? Какие-то болваны орали во все горло.

– Вы не слышали машину?

– Говорю же вам, мистер Лепски, я не слышала ровным счетом ничего. Кто эта девушка? Что с ней случилось?

Лепски посмотрел на нее холодными глазами копа:

– Кровавое убийство, мисс Штернвуд. Я рад, что вы были в безопасности в своем домике и смотрели телевизор. Никому не пожелал бы увидеть ту девушку.

Карен поморщилась:

– Кошмар какой!

– Совершенно верно, мисс Штернвуд. Значит, вы не можете мне помочь? Вы никого не видели, ничего не слышали... верно?

Карен воинственно выставила подбородок:

– Совершенно верно.

Они смотрели друг на друга, потом Лепски коснулся своей шляпы:

– Спасибо, мисс Штернвуд. – Он помолчал, затем посмотрел на нее долгим пронизательным взглядом. – Мисс Штернвуд, это, конечно, не мое дело, но проводить выходные в полном одиночестве в уединенном домике на пляже может быть опасно.

– Благодарю вас, мистер Лепски. – Она лучезарно улыбнулась ему. – Как вы сами заметили, это не ваше дело.

Как только Лепски ушел, появился Кен, бледный и потрясенный.

Взглянув на него, Карен бросила резко:

– Да успокойся ты!

– Тот бородатый парень, с которым мы столкнулись! – выпалил Кен. – Если полиция найдет его и он заговорит, он докажет, что ты солгала.

Карен вернулась к своему столу и села.

– Будет его слово против моего, а мое слово плюс слово па – это до фига, – заявила она и принялась печатать.

В пять часов пополудни вокруг большого стола шефа полиции Террелла собралось совещание. Перед столом сидели сержант Биглер, сержант Гесс, детектив первого класса Лепски и детектив третьего класса Джекоби.

Из многочисленных полицейских рапортов, заваливших стол Террелла, – рапортов от Гесса и его экспертов, от Лепски, Джекоби и остальных детективов – была выведена общая картина.

– Джейни Бандлер... – начал Террелл. – Она вела дневник. Несколько лет занималась проституцией, переезжая с места на место. Это почти все, что нам о ней известно. Доктор Лоис говорит, что ее ударили по голове, раздели, изнасиловали, удавили и выпотрошили. Дикое маниакальное убийство. До сих пор никто из хиппи не сообщил нам ничего полезного. Кажется, никто из них ничего не видел и не слышал.

– Я всех проверяю, – сообщил Гесс. – Но их на момент убийства было там почти пятьдесят человек. Это займет какое-то время.

Террелл кивнул.

– Из уже установленного нами получается, что единственная ниточка – Лу Бун, он признает, что во время убийства находился рядом с тем местом. У убийцы на одежде должна остаться кровь. – Террелл бросил взгляд на Лепски. – Ты осмотрел его одежду и убедился, что она чистая?

– Да, но я совершенно уверен, что он скрывает что-то. Либо он кого-то видел, либо он все-таки убийца. Когда я его допрашивал, у меня сложилось впечатление, что он лжет. Слишком уж он был хладнокровен. Сказал, что деньги у него есть, ему нравится бродяжническая жизнь и он собирается задержаться в колонии на пару недель.

– Проверь его, Фред, – сказал Террелл.

– Уже занимаюсь, – ответил Гесс.

– Хорошо. Теперь мисс Штернвуд, хозяйка пляжного домика, который стоит в двух сотнях ярдов от места убийства.

– Я с ней поговорил, – доложил Лепски. – Умная, сексуальная девица. Она признает, что во время убийства была в доме, смотрела телевизор. Утверждает, что там выступали какие-то болваны. Я проверил все каналы, но в то время не шло ни одной музыкальной программы. Я подозреваю, она была в постели с каким-нибудь парнем. Такая штучка не станет проводить выходные в одиночестве, таращась в «ящик».

– Это не наше дело, – отрезал Террелл. – Она дочь Штернвуда, не забывайте. Мы не станем ее беспокоить. – Он повернулся к Джекоби. – Какое у тебя впечатление от того, кто звонил?

– Голос сиплый, возможно, в возрасте, полицию не любит. Отследить звонок никакой надежды. Он длился меньше пяти секунд.

– Мог звонить и сам убийца, – сказал Террелл. Он оглядел сидевших перед ним сотрудников. – Это может повториться. Убийство на сексуальной почве, и маньяк, возможно, рыщет где-то там. Мы должны его схватить, и побыстрее. – И добавил, обращаясь к Гессу: – Фред, если тебе нужны еще люди, я запрошу подкрепление из Майами.

Зазвонил телефон. Попросили Гесса. Остальные ждали, пока Гесс разговаривал с одним из своих подчиненных, который вместе с другими обыскивал рошу и берег рядом с местом убийства.

– Везите немедленно, – сказал он и повесил трубку. Пояснил, обращаясь к Терреллу: – Джек нашел очень необычную пуговицу от пиджака, в виде мячика для гольфа; она была втоптана в песок примерно в трех ярдах от тела. Возможно, это первая улика.

Толстуха Кейти Уайт поджаривала сосиски над лагерным костром, когда к ней подошел Лу Бун. Она сидела у костра в одиночестве. Кейти гордилась тем, что у нее всегда наготове запас сосисок, если кто-нибудь вдруг проголодается. Сосиски со спагетти были основным рационом колонии. Остальные хиппи либо купались, либо пытались заработать где-нибудь несколько долларов.

Взяв у нее сосиску, Лу присел рядом на корточки.

Они разговорились. Кейти решила, что Лу настоящий супермен. Ей страшно понравилась его борода, его мускулы и насмешливые зеленые глаза.

Лу обладал талантом привлекать девчонок. По горестному заключению его отца, уважаемого адвоката из Хьюстона, это был единственный талант сына. Лу бросил юридический факультет. Отца и мать он считал самыми жуткими занудами в мире. Из дома он ушел в семнадцать и с тех пор – а теперь ему было двадцать три – болтался где попало. Занимаясь любой работой, от мытья посуды до помощи в гараже, Лу с трудом наскребал на жизнь, зато был совершенно счастлив избавиться от удушающей атмосферы родительского дома. После шести лет простой жизни он пришел к выводу, что деньги все-таки имеют значение. Лу начал мечтать о богатстве, не о мелочовке, а о настоящих деньгах, но при этом он также заключил, что зарабатывать эти деньги на какой-нибудь кошмарной работе с девяти до пяти он не собирается.

Приехав в Джексонвилл тремя днями раньше, он обнаружил, что денег у него не хватает даже на хот-дог. Голод оказался сильнее еще сохранившихся моральных принципов. Бесцельно слоняясь по парку Конфедератов, Лу натолкнулся на хорошо одетую пожилую женщину, которая сидела на скамейке, погруженная в глубокий сон. Рядом с ней стояла сумочка из крокодиловой кожи. Схватить сумку и нырнуть вместе с ней в цветущие кусты оказалось секундным делом. В результате Лу разжился невероятной суммой в четыреста долларов.

Кейти прожила в колонии уже два года, и то, чего она не знала о городе, о большинстве его обитателей и их образе жизни, можно было сосчитать по пальцам одной руки.

Болтая с ней, Лу узнал, что рядом с тем местом, где нашли убитую проститутку, стоит пляжный домик Карен Штернвуд, дочери одного из самых богатых людей в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.